ДВѢ ГЛАВЫ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ, ПИСАННЫХЪ ВЪ 1847 Г.

Н. Андреева.

ДВѢ ГЛАВЫ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ, ПИСАННЫХЪ ВЪ 1847 ГОДУ *).

—

«Физіономія здѣшнихъ развалинъ еще не измучена литераторами и живописцами, которые или въ нее не всмотрѣлись или ея не поняли. Онѣ истинный кладъ для меня. Чтобы перенести эти развалины на полотно, недостаточно изучить самый фактъ, — надобно передать и впечатлѣніе, производимое этимъ фактомъ, выразить совершенно особое чувство».

Жоржъ-Сандъ.

I.

О старинномъ домѣ въ городѣ Тулѣ.

Мы хотимъ пополнить пробѣлъ въ тульской городской хроникѣ, въ которую въ свое время грамотѣи забыли записать все любопытное, относившееся къ истинно монументальному зданію въ нашемъ городѣ, старинному, 4-хъ этажному дому.

*) Это—отрывокъ изъ скромныхъ мемуаровъ провинціала. Интересъ и значеніе его заключаются въ томъ, что это — дѣйствительные, невымышленные мемуары. *Ред.*

Само-собою разумѣется, что за неимѣніемъ письменныхъ свидѣтельствъ, мы, волею или неволею должны были прислушиваться къ единственному источнику — изустнымъ сказаніямъ добросовѣстныхъ глашатаевъ старины, малочисленные остатки которыхъ годъ отъ году рѣдѣютъ, дѣлаются молчаливѣе, потому что они одинъ за другимъ отходятъ въ страну отцевъ своихъ.

Съ того начать, что тотъ, кто строилъ его чрезвычайно благоразумно бы сдѣлалъ, еслибы сооружалъ это зданіе осмьюдесятью саженями ближе къ Успенскому дѣвичьему монастырю и на той же линіи, параллельной улицѣ, на которой теперь находится, — тогда видъ на него съ главнаго проспекта кремлевскаго бульвара былъ бы превосходный! Онъ удаленъ отъ многолюдныхъ городскихъ сборищъ, отъ которыхъ заслоненъ двумя рядами каменныхъ строеній и двумя каменными оградами, утратившими желѣзныя рѣшетки свои; а потому въ комнатахъ его царствуетъ постоянное безмолвіе, что также придаетъ этому зданію нѣкоторую торжественность, какъ какому-нибудь уединенному замку, давнымъ-давно оставленному владѣльцемъ.

Любопытство ваше затрогивается еще при первомъ взглядѣ на высокіе со сводами ворота, напоминающіе нѣсколько форму тріумфальныхъ воротъ; на построеніе ихъ употреблено было по крайней-мѣрѣ пятнадцать тысячъ кирпичей, а массивные столбы, поддерживающіе арки, обложены съ трехъ сторонъ толстыми чугунными пли-

тами, каждая въ четыре аршина длиною. Эти ворота лишены лучшаго своего украшенія — фаянсовыхъ или гранитныхъ вазъ, что замѣтите по шпилямъ, вдѣланнымъ въ подушки на столбахъ. — Подъѣзжая къ воротамъ, которыхъ тяжелый грузъ арки будетъ висѣть надъ головою вашею, вы догадаетесь, что они ведутъ къ зданію несравненно обширнѣйшему обыкновенныхъ домовъ, но стиль котораго ничего не долженъ имѣть общаго съ послѣдними. Вы не ошибетесь, потому что оригинальность его заключается въ разительномъ контрастѣ съ новѣйшими зданіями. И вотъ издали вы увидите его на широкомъ дворѣ, заросшемъ густою травою, окруженнаго каменными полуразвалившимися флигелями и многими другими надворными строеніями, размѣщенными въ почтительномъ отъ него разстояніи, посреди которыхъ онъ, поражаемый временемъ и губительнымъ климатомъ, *но* невредимый, стоитъ какъ-будто задумавшись о прошедшемъ. И какъ ему не думать о прошедшемъ! Все измѣнило ему: люди оставили его; убранство, роскошь и заботливый надзоръ — исчезли, а изъ каменныхъ современниковъ ближайшія разрушаются, на мѣстѣ отдаленныхъ существуютъ уже новыя, въ высшей степени безобразныя строенія. Мы сказали, что люди оставили его, какъ обыкновенно оставляютъ они искреннихъ своихъ друзей и пріятелей, которые *состоятъ подъ гнѣвомъ рока злаго*, только одинъ привратникъ, артиллерійскій солдатъ, уволенный въ «чистую» и живущій въ каменной ка-

раульнѣ у воротъ, есть еще единственное существо, здѣсь обитающее. Онъ былъ сынъ кучера, принадлежавшаго одному изъ владѣльцевъ этого дома. Возвратившись въ Тулу, отставной солдатъ пожелалъ умереть тамъ, гдѣ родился. Мѣсто привратника доставляло ему ничтожныя деньжонки, далеко впрочемъ не удовлетворявшія его необходимостямъ.

Домъ, о которомъ мы повели рѣчь, извѣстенъ въ городѣ подъ именемъ дома покойнаго купца Плахова, (прежде отца, а потомъ сына), но это несправедливо, потому что первые его владѣльцы были именитые граждане Лугинины; послѣ Плахова (сына), онъ принадлежалъ покойному куппу Слатину, а въ настоящее время этотъ домъ состоитъ въ завѣдываніи конкурса. Онъ построенъ въ итальянскомъ стилѣ временъ возрожденія по чертежу и рисунку знаменитаго графа Растрелли, современника Императрицъ Елисаветы и Екатерины II-ой. Это доказывали два мѣдные кружка съ вырѣзанною на нихъ монограммою на одномъ и годомъ сооруженія тульскаго *палаццо* на другомъ. Они вдѣланы были въ предназначенныя для нихъ углубленія на верху воротъ, по обѣ ихъ стороны. Старожилы, заслуживающіе довѣрія, разсказываютъ, что въ началѣ нынѣшняго вѣка упомянутые медальоны, какъ они называютъ ихъ, были сняты для золоченія, а послѣ того, къ сожалѣнію, вѣроятно, утрачены. Неоспоримымъ-же доказательствомъ служитъ мастерски снятый рисунокъ съ этого дома даровитымъ тульскимъ ар-

хитекторомъ, И. А. Волосатовымъ. Извѣстно, что графъ Растрелли былъ изобрѣтателемъ въ зодчествѣ: онъ былъ въ строгомъ смыслѣ слова поэтъ — художникъ, и потому фантазіи его угодно было дать такія легкія, милыя формы этому зданію, что они доступны всякому, кто хотя немного имѣетъ понятіе объ архитектурѣ. Впрочемъ, оно не лишено той величественной физіономіи, которая поражаетъ васъ и задерживаетъ вниманіе ваше не смотря на то, что въ настоящее время суровый видъ строенія внушаетъ тоскливое чувство сожалѣнія. Но время не успѣло еще стереть съ него слѣды искусства. Намъ не одинъ разъ случалось слышать восторженныя похвалы этому дому, высказанныя знатоками дѣла; по мнѣнію ихъ, тульскій *палаццо* имѣетъ много сходнаго съ московскимъ кремлевскимъ дворцомъ, сооруженнымъ на благоговѣйное удивленіе отдаленному потомству.

Сто лѣтъ слишкомъ тому назадъ, гласитъ изустная хроника, этотъ домъ былъ выстроенъ именитымъ тульскимъ купцемъ Максимомъ Лугининымъ (сказаніе забыло отчество его за давностію времени). Однакожъ достовѣрные акты свидѣтельствуютъ, что родоначальникъ Лугининыхъ имѣлъ трехъ сыновей: Ивана, Николая и Иларіона. Они всѣ трое служили въ лейбъ-гвардіи сержантами и получили чины арміи капитановъ; но изъ какого именно сословія поступили Лугинины въ военную службу и какими правами пользовались по происхожденію, о томъ въ архивѣ тульскаго

дворянскаго депутатскаго собранія нѣтъ никакихъ документовъ; да и въ патентахъ на чины трехъ братьевъ также ничего объ этомъ не упоминается. Но въ «форменномъ», или семейномъ спискѣ, доставленномъ въ дворянское собраніе тульскимъ уѣзднымъ предводителемъ показано, что они, Иванъ, Николай и Иларіонъ Лугинины владѣли наслѣдственнымъ и покупнымъ имѣніемъ въ количествѣ 4779 душъ крестьянъ, состоящихъ въ губерніяхъ: тульской, калужской, смоленской и уфимскомъ намѣстничествѣ (что нынѣ оренбургская губернія), въ разныхъ уѣздахъ, изъ которыхъ въ алексинскомъ уѣздѣ при селѣ Алёгинѣ прежде была полотняная и бумажная фабрики, а въ настоящее время устроена суконная и принадлежитъ одному изъ потомковъ Николая Максимовича, потому что оба брата его, Иванъ и Иларіонъ, не были женаты. Кромѣ того они владѣли въ нынѣшней оренбургской губерніи обширными желѣзными и мѣдными заводами. Изъ этихъ скудныхъ данныхъ видно, что родоначальникъ Лугининыхъ; хотя прежде былъ тульскій именитый гражданинъ и принадлежалъ къ купеческому званію, но безъ всякаго сомнѣнія, ему по заслугамъ его, какъ Н. Д. Демидову, пожаловано было дворянское достоинство въ концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны, или вскорѣ, при вступленіи на престолъ Екатерины II. Въ противномъ случаѣ сыновья его не могли бы служить въ лейбъ-гвардіи сержантами и не наслѣдовали бы отъ своего родителя крѣпостнаго имѣ-

нія, состоящаго въ такомъ значительномъ количествѣ крестьянъ, что̀ доказываетъ, что онъ уже имѣлъ право, какъ дворянинъ, пріобрѣтать ихъ на законномъ основаніи. Вотъ все, что только сохранилось фактическаго въ означенномъ архивѣ; не думаемъ, чтобы и въ фамильномъ архивѣ Лугининыхъ могли быть рукописи болѣе удовлетворительныя относительно ихъ личности.

Теперь мы опять обращаемся къ *изустной хроникѣ*, которая гласитъ, что Николаю Максимовичу принадлежалъ и весь кварталъ каменныхъ домовъ въ Тулѣ, примыкавшихъ къ главному его жилищу, господствовавшему надъ ними подобно горѣ надъ холмами. *)

---

*) Замѣтимъ кстати, что таже изустная хроника гласитъ о слѣдующемъ романическомъ происшествіи, которому придаетъ интересъ характерическая черта времени и драматическая развязка. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, Ник. Максимовичъ Лугининъ болѣе трехъ лѣтъ жилъ въ Парижѣ единственно для воспитанія своей дочери, красоты очаровительной. Она неровнодушна была къ учителю, родомъ французу, ремесломъ музыканту, (что надобно понимать въ смыслѣ артиста: иначе и быть не могло). Артистъ пламенно любилъ русскую красавицу. Кончилось тѣмъ, что они скрылись и обвѣнчались. Оскорбленный отецъ немедленно оставилъ Парижъ и возвратился въ Тулу. Вскорѣ пріѣхали и *тайнобрачные*, которые, разумѣется, желали испросить себѣ прощенія, но Ник. Максимовичъ былъ неумолимъ! Онъ не только не принялъ ихъ къ себѣ на глаза, но еще разлучилъ молодыхъ силою родительской своей власти. Этого было мало: если вѣрить изустной хроникѣ, (а ей вѣрить — невѣрить — бѣда!) то мстительный отецъ заключилъ несчастную дочь свою въ

Въ теченіи слишкомъ вѣковаго своего существованія, это жилище богачей не разъ переходило отъ одного владѣльца къ другому, изъ которыхъ иные лишались всего состоянія по случаю несчастныхъ комерческихъ предпріятій и собственныхъ промаховъ по торговли, которую производили въ обширныхъ размѣрахъ. Умирая въ комнатахъ, блестящихъ убранствомъ, купеческіе аристократы оставляли своихъ наслѣдниковъ въ незавидномъ положеніи, близкомъ къ нищетѣ. Вслѣдствіе этого, роскошное жилище ихъ продовалось чуть-ли не съ аукціона.... «Нѣтъ въ мірѣ больше скорби, какъ воспомнинаніе о прошедшемъ счастіи убитому злополучіемъ», сказалъ Дантъ. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи домъ, о которомъ говоримъ, можетъ служить предметомъ лѣтописи, или, если угодно, біографическихъ очерковъ по-

одно изъ отдѣленій четвертаго этажа, гдѣ она, окруженная строгимъ надзоромъ, провела скорбные дни до окончанія процесса, возникшаго по тому же предмету. Мы уклоняемся отъ дальнѣйшихъ подробностей, слишкомъ, по видимому, поэтическихъ, въ которыхъ преобладаетъ непріятное. Н. М. Лугининъ принадлежалъ къ тульскимъ мильонерамъ, жилъ роскошно, не хуже Демидова, имѣлъ знакомство съ вельможами, а потому ему легко было завести процессъ противъ брака для него ненавистнаго.... Началось дѣло. Услужливые юристы доказали, какъ дважды-два-четыре, что бракъ его дочери съ иностранцемъ, совершенный по обряду католической церкви безъ свидѣтелей и позволенія отца, есть бракъ недѣйствительный; вслѣдствіе чего его и расторгнули. Зять съ отчаянія застрѣлился, а разведенную дочь свою Лугининъ выдалъ замужъ съ огромнымъ придакымъ.

коїныхъ владѣльцевъ его, очерковъ, не лишенныхъ интереса, чему служитъ доказательствомъ одно происшествіе, вкратцѣ описанное нами въ примѣчаніи. Въ числѣ анекдотическихъ случаевъ замѣчательны два слѣдующіе:

Во время проѣзда Императрицы Екатерины II-й, возвращавшейся изъ путешествія въ южныя провинціи, Николай Максимовичъ Лугининъ просилъ Ея Величество осчастливить его своимъ посѣщеніемъ. Самодержавная была не совсѣмъ здорова но всегда внимательная къ просьбамъ вѣрноподданныхъ, она не хотѣла отказомъ огорчить одного изъ именитыхъ гражданъ Тулы, который роскошью и расточительностію своею, (когда впрочемъ этого требовали обстоятельства), хотѣлъ превзойти тульскихъ богачей своего времени: Демидова, Баташева и Ливенцовыхъ. Императрица отказалась отъ бала, но приказала ѣхать на него всѣмъ чинамъ, штатсъ-дамамъ и фрейлинамъ блистательнаго своего двора, сопровождавшаго ея въ путешествіи. Случилось такъ, что графъ Сегюръ, состоявшій тогда при нашемъ дворѣ въ званіи французскаго посланника, былъ въ тотъ самый день именинникъ, но какъ католики не празднуютъ именинъ, а празднуютъ день своего рожденія, то графъ Сегюръ и пріѣхалъ на балъ Лугинина. Между тѣмъ какъ въ залѣ и примыкающихъ къ ней комнатахъ продолжались танцы, которыхъ и названія теперь неизвѣстны некнижнымъ людямъ, въ другомъ отдѣленіи дома великолѣпно сервированы были столы и ужинъ, га-

строномически изготовленный, ожидалъ аппетита гостей, утомленныхъ позднимъ временемъ ночи. Наконецъ пробилъ часъ назначенный для насыщенія аристократическихъ желудковъ и радушный хозяинъ пригласилъ всѣхъ ужинать; но, по непонятной разсѣянности, забылъ о графѣ Сегюрѣ, который разговаривалъ въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ съ какимъ-то княземъ австрійскаго посольства. Когда гости заняли мѣста за столами, то въ почетномъ столѣ неоказалось одного изъ нихъ, — графа Сегюра. Разумѣется, до крайности встревоженный хозяинъ поспѣшилъ отыскать его, извинился и усадилъ на первое мѣсто, потому что Императрица послала его вмѣсто себя. Оберъ-гофмаршалъ А. Л. Нарышкинъ, съ которымъ рядомъ сѣлъ французскій посланникъ, по неудержимой своей привычкѣ говорить остроты, сказалъ, обращаясь къ гр. Сегюру: «случаю угодно было, чтобы вы, графъ, занимая между нами мѣсто перваго придворнаго и представителя Ея Величества, сдѣлались вдругъ постороннимъ. Вотъ и сбылась русская поговорка: «именинникуп пирога нѣтъ». Этотъ анекдотъ напоминаетъ другой подобный же, о которомъ разсказываетъ принцъ де-Линь въ своемъ сочиненіи подъ названіемъ: «Французскіе эмигранты въ Майнцѣ», но тотъ, кто сообщилъ намъ описанный случай на балѣ Лугинина, не могъ читать его твореній, потому что онъ былъ врагъ свѣтской литтературы, а читалъ только книги духовнаго содержанія.

Года черезъ два послѣ того въ одинъ изъ проѣз-

довъ черезъ Тулу великолѣпнаго князя Тавриды, «этого колосса между царедворцами всѣхъ вѣковъ и народовъ», какъ говоритъ Лефортъ въ своей «Исторіи царствованія Екатерины II-й», неизвѣстно почему, Потемкинъ не остановился ночевать во дворцѣ, существовавшемъ тамъ, гдѣ нынче сооружена паровая машина на оружейномъ заводѣ. Фельдмаршалъ приказалъ вести себя въ домъ Лугинина, котораго зналъ и съ которымъ любилъ повести рѣчь на французскомъ языкѣ о томъ и сёмъ, а больше ни о чёмъ, разумѣется, когда находился въ веселомъ расположеніи духа. У Лугинина не пиво варить, не вино курить, — всего было въ изобиліи и потому обрадованный посѣщеніемъ Потемкина, онъ затѣялъ-было дать пиръ (это было зимою) и какъ возможно лучше «распотѣшить» свѣтлѣйшаго. И гости были приглашены, и яства и напитки приготовлены, но фельдмаршалъ въ этотъ вечеръ оказался недоступнымъ для веселости: онъ былъ мраченъ, задумчивъ, то хандрилъ, то капризничалъ и вообще находился «въ опасномъ положеніи», по выраженію того, кто намъ это разсказывалъ. Лежавъ въ гостиной на диванѣ, обитомъ гамбурскимъ бархатомъ «съ разводами», въ халатѣ, сшитомъ изъ драгоцѣнной кашемирской шали и обутый въ туфли, съ алмазными украшеніями, великолѣпный князь Тавриды окруженъ былъ своимъ штабомъ, избранными любимцами, число которыхъ дозволено было умножить и хозяйскою *личностію*. Фельдмаршалъ «мертваго корпуса», какъ называетъ его

князь Ю. В. Долгорукій въ любопытныхъ «Запискахъ» своихъ, то вставалъ и садился на диванъ, иногда облакачиваясь на атласныя подушки, набитыя лебяжьимъ пухомъ, то ходилъ крупными шагами по комнатѣ, устланной персидскими и турецкими коврами баснословной цѣны и, остановившись противъ кого-нибудь изъ присутствовавшихъ, серьёзно смотрѣлъ ему въ глаза, не говоря ни слова; а такъ-какъ онъ курилъ на этотъ разъ табакъ изъ длиннаго чубука, мундштукъ котораго осыпанъ былъ крупными изумрудами и яхонтами, то легкая струя благовоннаго, но остраго дыма, касаясь глазъ одного изъ фаворитовъ, безмолвно стоявшаго, вынуждала его дѣлать довольно забавныя гримасы, прищуривая между-тѣмъ глаза. Эта забавная сцена имѣла много комическаго, потому что весь штабъ его едва удерживался отъ смѣха. И такъ всѣ хранили глубокое молчаніе, ожидая грома придворнаго Юпитера, расхаживавшаго со спущеными шелковыми чулками и въ самомъ небрежномъ костюмѣ на распашку. Тогда могущество его уже начинало мало-помалу спускаться къ центру своего паденія. Время отъ времени жаловался онъ на больной зубъ свой, придерживая правую щеку четырьмя пальцами, обнизанными перстенями, которыхъ бриллянты стоили гораздо дороже всѣхъ домовъ Лугинина, вмѣстѣ взятыхъ. Жалуясь, говоримъ, на больной зубъ свой, Потемкинъ хотѣлъ вырвать его въ Петербургѣ, куда ѣхалъ и гдѣ тогда жилъ какой-то Christophes, только не Колумбъ, а дантистъ,

славившійся своимъ искуствомъ. Въ одно изъ этихъ хожденій по гостиной, Потемкинъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на огромные зеркала, парижскую бронзу, японскій и китайскій фарфоръ, которыми загромождена была комната, остановился у одного изъ оконъ, на которыхъ разставлены были цвѣты въ горшкахъ, желтый фіоль и махровый левкой. (Предупредительный хозяинъ хорошо зналъ своего гостя). Но Потемкинъ и не взглянулъ на цвѣты, поставленные съ намѣреніемъ угодить пятому его чувству — обонянію. Погруженный въ грустное раздумье, онъ отдалъ трубку первому кому пришлось и началъ перебирать пальцами шелковую бахраму занавѣски (какъ тогда называли драпри), изъ лионской дорогой матеріи. Ударяя кистью, висѣвшею на шнурѣ, по ладонѣ лѣвой руки своей и обращаясь къ Лугинину, онъ сказалъ:

— А знаешь ли ты, тулякъ, русскую поговорку: залетѣла ворона въ высокіе хоромы?

Это относилось не къ хозяину огромнаго дома, а къ графу Зубову, къ которому особенное благоволеніе Государыни сильно тревожило подозрительный умъ властолюбиваго вельможи, но Лугининъ не хотѣлъ понять намёка и отвѣчалъ:

— Знаю, ваша свѣтлость; но вѣдь домъ этотъ построилъ отецъ мой не для меня и не для моихъ дѣтей, а на случай проѣзда вашей свѣтлости черезъ Тулу.

— Какъ? вскричалъ изумленный фельдмаршалъ:

— ты городишь чепуху, сумасбротъ! Да меня тогда еще, я думаю, и на свѣтѣ не было....

— А если не было, возразилъ неоробѣвшій Лугининъ съ возмутительною самоувѣренностію: — такъ видно отецъ мой навѣрное зналъ, что ваша свѣтлость будете. Онъ, какъ умный старикъ, едва ли не вычиталъ объ этомъ въ Брюсовомъ календарѣ, который подарилъ ему въ рукописи графъ Брюсъ, а вашей свѣтлости извѣстно, что онъ былъ великій астрологъ.

Эта смѣлая шутка, высказанная энергически во время, въ пору, кстати, вызвала у свѣтлѣйшаго прежде саркастическую улыбку, потомъ окончательно разсмѣшила его, слѣдствіемъ чего былъ взрывъ всеобщаго хохота. И не прошло двухъ часовъ, а уже весь домъ Лугинина освѣщала иллюминація, въ парадныхъ комнатахъ гости привѣтствовали Потемкина съ пріѣздомъ, музыка гремѣла и хоръ пѣлъ любимую пѣсню его:

На бережку у ставка, на дощецни у млынка,
Хвартухъ прала дѣвчина, плескалася якъ рыбчина.

Но это было давно! Съ тѣхъ поръ много воды утекло въ синее море, много миновало радостей и скорбей, много людей исчезло съ лица земли, много разрушилось и опустѣло капитальныхъ зданій. Наконецъ дошла очередь и до стариннаго дома Лугининыхъ. Нельзя же ему было одному быть исключеніемъ изъ общаго жребія. И вотъ онъ, красавецъ нашъ, въ государствованіе Импе-

ратрицъ Елисаветы и Екатерины II-й, состарѣлся и опустѣлъ въ половинѣ XIX столѣтія. Но мы разскажемъ вамъ результатъ нашего обозрѣнія стариннаго дома въ послѣдовательномъ порядкѣ и, если свѣдѣнія наши не вполнѣ удовлетворятъ любопытство ваше, читатель, то, покрайней-мѣрѣ, они доставятъ вамъ поверхностное понятіе о томъ, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время тульское палаццо.

Съ *какимъ то особеннымъ чувствомъ вошли мы* во внутренность этого зданія, нѣкогда украшеннаго роскошью до излишества, отъ которой теперь остались едва замѣтные слѣды, что̀ производитъ грустное впечатлѣніе. Съ неопредѣленнымъ волненіемъ въ душѣ ходили мы (незадолго до сумерекъ) по паркету затѣйливаго рисунка. Здѣсь въ каждой комнатѣ поглощаетъ васъ прошедшее, потому что ничто не напоминаетъ о настоящемъ. И мы невольно остановились въ залѣ, предавшись во власть увлекавшей насъ эллюзіи. Безъ всякаго сомнѣнія, во время званыхъ пировъ, все пространство этой залы и прилегающей къ ней амфиладѣ комнатъ, ярко-освѣщенныхъ, наполняли звуки не любовной ноктурны или печальной сонаты, или серіезной фуги, которыхъ тогда и названія не знали у насъ въ провинціяхъ, а бальной музыки, гремѣвшей на ассамблеяхъ со временъ Петра Великаго, слѣдовательно при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, она не составляла уже предмета неслыханнаго удивленія. Нельзя также предполагать, чтобы здѣсь могли приво-

дить въ восторгъ зрителей сладострастные пируэты какой-нибудь жрицы-Терпсихоры, о которыхъ тогда также не имѣли ни малѣйшаго понятія на Руси, но очень вѣроятно, что на этомъ самомъ паркетѣ скользила стройная ножка незамѣтно улыбавшейся красавицы въ розовомъ робронѣ на фижмахъ, какъ тогда называли рабу, съ гибкой, едва переломившейся таліей, танцовавшей менуэтъ съ какимъ-нибудь львомъ во французскомъ кафтанѣ и нѣмецкомъ камзолѣ, съ головы котораго падала на плечи и затылокъ густая грива завитыхъ волосъ, осыпанныхъ пудрой, а на вискахъ вчесаны были букли въ видѣ усѣченныхъ цилиндровъ. Молчаливый паркетъ, какъ рыба, никогда не разскажетъ намъ ни значенія улыбки красавицы, ни ея таинственнаго вздоха, волновавшаго полную грудь, ни отношенія ея къ ловкому своему кавалеру, который въ менуэтѣ, касаясь нѣжныхъ пальчиковъ восхитительной дамы, слегка, можетъ-быть, пожималъ ихъ собственными пальцами и понималъ всѣ реверансы, позы и взгляды ея не хуже куртизыхъ фрачниковъ съ отвратительнымъ стеклышкомъ въ глазу. Сколько бы каждый паркетъ могъ передать таинъ каждаго бала, нерѣдко уносимыхъ въ могилу, еслибы только онъ имѣлъ возможность сообщать ихъ посредствомъ знаковъ, изобрѣтенныхъ для нѣмыхъ. Увы! судьба не дала ему рукъ, какъ нѣмымъ не дала дара слова.

Обращали на себя вниманіе наше и миоологическія сцены, написанныя на стѣнахъ и обрамлен-

ныя золочеными багетами. — Наблюдательный взглядъ вашъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ замѣтилъ бы, что и достопочтенные дѣды наши непрочь были отъ живописи, изображавшей довольно нескромныя сцены, которыхъ въ греческой миѳологіи несравненно менѣе, чѣмъ въ изобрѣтательномъ воображеніи новѣйшихъ живописцовъ и поэтовъ въ особенности. Но вниманіемъ нашимъ завладѣла одна изъ сценъ, написанныхъ на стѣнѣ въ довольно большомъ размѣрѣ. Мы напрягали наше воображеніе, чтобы угадать смыслъ аллегорическаго сюжета ея: такъ тусклость красокъ затрудняетъ пониманіе, хотя оно было только умозрительное, потому что краски выцвѣли и скоро совсѣмъ поблѣднѣютъ. Нечего было церемониться съ старинною живописью, и мы попросили привратника стереть пыль со стѣны полою его военной шинели, что онъ исполнилъ, не говоря ни слова. Тогда мы разсмотрѣли, что эта была дѣйствительно аллегорія, заключавшая въ себѣ одно мѣсто изъ Неистоваго Роланда, знаменитой поэмы Аріоста. Объясняя сюжетъ картины, мы напомнимъ вамъ этотъ превосходный эпизодъ.

Миѳологія повѣствуетъ, что при бракѣ Ѳетиды и Пелея, несогласіе, божество вражды и раздора, бросило бѣдствіе въ собраніе боговъ, отъ чего произошли многія несчастія. Обыкновенно несогласіе, «мать предсмертнаго часа и печали», по выраженію Гомера, живописцы изображаютъ въ видѣ фуріи, у которой вмѣсто волосъ переплетены змѣи окровавленною лентою. Лицо у ней блѣдное,

губы желтыя, взоръ ужасный, изъ рта течетъ пѣна; въ одной рукѣ держитъ она змѣю, а въ другой зажженный факелъ. Словомъ, древніе хотѣли изобразить несогласіе въ отвратительной эмблемѣ. Но Аріостъ въ своемъ Неистовомъ Роландѣ переиначилъ все по-своему: миѳологическія образы онъ превратилъ въ поэтическія формы. Онъ также олицетворяетъ несогласіе. У него оно, какъ арлекинъ, въ разноцвѣтной одеждѣ, дурно сшитой изъ разныхъ лоскутьевъ и небрежно надѣтой. Раздуваемая вѣтромъ, она обнажаетъ тѣло, изможденное трудомъ. У него на головѣ разрозненные волосы: черные, русые, рыжіе и даже замѣтны позолоченые и посеребреные. Они въ великомъ безпорядкѣ, всклокочены вверхъ, висятъ на переди, упали на плеча, свисли на затылокъ. Въ рукахъ, пазухѣ и за поясомъ видно у него много прошеній, вѣдѣній, выписокъ, документовъ, опредѣленій, объявленій, доношеній, контрактовъ, условій, справокъ, данныхъ, допросовъ, выписей, записей и прочихъ юридическаго содержанія бумагъ, которыя нерѣдко бываютъ источникомъ ябедническихъ каверзъ и, слѣдовательно, разоренія и гибели бѣдныхъ людей. Толпа прокуратовъ какъ тогда называли этихъ законовѣдовъ, стряпчихъ, натаріусовъ, адвокатовъ и маклеровъ окружаютъ его, какъ выраженіе человѣческихъ страстей. Все это составляетъ аттрибуты, символическое значеніе, по которому узнается несогласіе. Вся образованная Европа признала вымыслъ великаго итальянскаго поэта очень остроумнымъ, а

живописцу, изобразившему такъ удовлетворительно эту аллегорію изъ Неистоваго Роланда, — честь и слава.

Однакожъ, справедливость требуетъ объявить во всеуслышаніе, что не всѣ картины на стѣнахъ одинаковаго достоинства въ отношеніи искусства и выбора сюжета; нѣсколько изъ нихъ очевидно писаны такими живописцами, которыхъ кисть видно всегда надъ безсмертными играла.... Кто же, напримѣръ, равнодушно пройдетъ, взглянувъ на картину, изображающую толстую, здоровую и, кажется, когда-то краснощекую, деревенскую бабу, сидящую въ глубокомъ корытѣ, которое тащутъ по сугробамъ снѣга крестьянскія дѣвки и молодые мужики, вооруженные вѣниками и острыми камнями. Вѣроятно, сказали бы вы, бабу эту, откормленную какъ кормилица, тащутъ на расправу и предаютъ на судъ сельскихъ властей, но взглянувъ на толпу людей попристальнѣе, вы догадаетесь, что художникъ и не думалъ изображать кормилицу въ корытѣ: совсѣмъ нѣтъ! Это Аѳродита, дочь неба и земли, мать грацій и амура, богиня красоты, словомъ Венера, которая по мнѣнію грековъ, родилась изъ морской пѣны. Она, изволите видѣть, сидитъ не въ корытѣ, а въ большой раковинѣ, которую везутъ не крестьянскія дѣвки и парни, а нереиды и тритоны, что̀ доказываютъ рыбьи хвосты ихъ, которыми они упираются не въ сугробы снѣга, взрытаго бурей, а въ морскія волны. Въ рукахъ у нихъ не вѣники и не острые камни, а коралловыя вѣтки и морскія извитыя ра-

конины. По крайней мѣрѣ такъ надобно предполагать. Въ самомъ дѣлѣ это забавно и подъ-часъ легко можетъ сорвать съ васъ улыбку!

Сохранились узорчатыя, фантастическихъ формъ кафельныя печи, всѣ до одной синяго и желтаго цвѣта, не смотря на то, что стѣны въ каждой комнатѣ оклеены были разными цвѣтными обоями, а въ гостиномъ отдѣленіи, (въ бель-этажѣ), стѣны обиты были дорогими тканями. Должно полагать, что эти фантастическія печи тогда производили удивительный эффектъ, потому что каждое поколѣніе людей имѣетъ свой современный взглядъ на вещи, свой вкусъ свои условныя понятія и требованія, между-тѣмъ какъ нынче неупустили бы случая осмѣять ихъ вѣчно смѣющіеся фельетонисты. Вездѣ, куда не посмотрите, дубовые панели; рѣзьба на дверяхъ и коробкахъ когда-то были вызолочены тщательно; такъ-какъ дубовыя рамы чрезвычайно обветшали, и въ нѣкоторыхъ стекла всѣ перебиты, то онѣ всѣ защищены желѣзными створами изънутри дома, что придаетъ ему видъ замка какого-нибудь гвельфа, заклятаго врага гибеллиновъ во времена феодальной старины. Самая крыша его замѣчательна по оригинальному своему устройству и прочности строительнаго матеріала и желѣза, которое выковывалось на собственныхъ заводахъ Лугининыхъ. Размѣры его гораздо больше обыкновенныхъ кровельныхъ листовъ и въ три раза толще; въ каждомъ изъ нихъ, какъ полагаютъ, едвали не будетъ фунтовъ тридцать вѣсу. О проч-

ности выковки этого желѣза можно судить по тому, что ни на одномъ листѣ до сихъ поръ не оказалось «изъяну», по выраженію кровельщиковъ, то есть, не оказалось, ни дыръ, ни ржавчины. Это подастъ поводъ думать, основываясь на законахъ вѣроятности, что крышу постоянно красили. Слуховыя окна его сдѣланы изъ тогоже металла, и каменные трубы также остались невредимы. «Вотъ какъ умѣли строить наши дѣды»; говорятъ тульскіе старожилы, «домъ-то стоитъ себѣ цѣлехонекъ, а время упрятало въ могилу не одно поколѣніе людей.» Но всего замѣчательнѣе то, что онъ никогда не былъ реставрированъ и никогда не горѣлъ, а всѣмъ и каждому въ особенности извѣстно, что въ Тулѣ бывали такіе ужасные пожары, которыхъ нельзя себѣ представить самому пламенному воображенію. Развѣ одинъ Дантовъ Адъ еще можетъ быть нѣкоторое понятіе о тульскихъ пожарахъ, напримѣръ, о бѣдствіи, два раза постигшемъ нашъ городъ въ одно лѣто 1834 года!..

Въ настоящее время, домъ этотъ, конецъ концовъ, просто — пріютъ нѣсколькихъ домовитыхъ ласточекъ и хищныхъ воробьевъ, а также и дикихъ голубей которые нашли предательскія отверстія въ створахъ, неплотно закрытыхъ. Вотъ они и перелетываютъ изъ комнаты въ комнату, разговаривая, кажется, другъ съ другомъ и не обращая никакого вниманія на гнѣвные взгляды привратника и безпрестанное его бармотанье. Крылатое общество республиканцевъ, конечно, не залетѣло сюда реставрировать исчезающую жи-

вопись: оно имѣло болѣе естественное побужденіе, что замѣтили мы, случайно увидавъ цѣлое семейство маленькихъ птенцовъ съ разинутыми ртами. Заботливая мать ихъ кормила червяками изъ собственнаго клюва. О, если бы это зрѣлище увидѣлъ привратникъ, то мать съ безкрылымъ еще своимъ потомствомъ, вѣроятно, попала-бы въ солдатскую его кашицу! Значитъ, думали мы, что здѣсь «любовь не поразсталася», какъ говорится въ одной русской пѣсни, съ тою только разницею, что людей замѣнили птицы. Когда мы сообщили замѣчаніе наше сопровождавшему насъ солдату, то онъ пресерьёзно сказалъ: «неизвѣстно только ваше высокоблагородіе, чья любовь сильнѣе: воробьиная, аль людская». Въ здѣшнихъ комнатахъ невозможно и предполагать услышать отвѣтъ на вопросъ каковъ бы онъ не былъ. Вамъ будетъ отвѣчать не голосъ человѣческій, а эхо вѣковъ....

Осматривая внутренность старинаго дома и близорукій не могъ бы не увидать ближайшей къ нему пристройки, очевидно сдѣланной гораздо послѣ, архитектура которой рѣшительно не имѣетъ никакого смысла. Мы говоримъ о двухъ-этажномъ флигелѣ совершенно не кстати приткнутомъ къ этому зданію и незамѣтномъ съ такъ-называемаго параднаго подъѣзда. Онъ, какъ-будто стыдясь своей жалкой наружности, спрятался на задній дворъ, а старинный домъ заслонилъ его отъ наблюдательнаго взора пріѣзжаго, который въ правѣ замѣтить, что этотъ старин-

ный флигель занялъ почетное мѣсто не по-своимъ достоинствамъ, потому что малые размѣры его *относятся къ капитальной* громадѣ, какъ *привѣсокъ* къ сахарной головѣ. Соединенный съ ней деревяннымъ переходомъ, замѣнившій каменный, обрушившійся еще въ прошломъ вѣкѣ, онъ возбуждаетъ вопросъ: что вынудило домохозяина построить такое отшельническое жилище? Оно не могло принадлежать къ тѣмъ надворнымъ постройкамъ, въ которыхъ обыкновенно помѣщается прислуга, потому что столь близкое сосѣдство этого люда, было не въ обычаѣ старыхъ баръ. Нельзя допустить мысли, чтобы оно было и убѣжищемъ любви на томъ основаніи, что всѣ владѣльцы тульскаго палаццо, сколько извѣстно тулянамъ, были люди женатые и имѣли каждый изъ нихъ большое семейство. Статься можетъ, что въ это отшельническое жилище удаленъ былъ какой-нибудь лишенный ума, или страдавшій неизлѣчимымъ недугомъ или, наконецъ, посвятившій себя затворнической жизни, удиненію, но невѣроятно, чтобы здѣсь укрывалось преступленіе, преслѣдуемое закономъ! Теряясь въ смутномъ лабиринтѣ догадокъ, мы не могли остановиться ни на одной изъ нихъ, но привратникъ, въ которымъ мы сейчасъ познакомимъ нашего читателя, какъ съ типическою личностію, если не ошибаемся, объяснилъ намъ, основываясь впрочемъ на преданіи, что *нижній ярусъ его* занимала главная контора, а въ верхнемъ была кладовая, въ которой жила девя-

ностo-лѣтняя старуха, охранявшая, какъ Аргусъ, сундукъ своего хозяина. Видно, она очень усердно охраняла сокровища своего властелина, потому что послѣднее дыханіе ея улетѣло куда слѣдовало, а трупъ старухи все еще лежалъ на сундукѣ, пока его въ бѣломъ саванѣ и дубовомъ гробу не опустили въ могилу. Объ этомъ замѣчательномъ желѣзномъ казнохранилищѣ мы получили свѣдѣніе изъ другихъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, а именно: правдивые старожилы говорятъ, что въ немъ вѣсу было двадцать два пуда и что онъ постоянно вмѣщалъ въ себя столькоже пудовъ серебра и золота. Спрашивается: сколькоже перебывало денегъ въ упомянутомъ сундукѣ въ теченіи длиннаго порядка времени? Думаемъ, что этой суммы не сочтетъ и мудрѣйшій изъ мудрыхъ бухгалтеровъ въ любой конторѣ банкира. Теперь понятно, что испустить послѣдніе дыханіе на такой грудѣ благороднаго металла есть высшее наслажденіе — для скареда.

Если вы, читатель, склонны къ мечтательности, то, обозрѣвая эту капитальную громаду, пустую внутри, суровую снаружи, невольно унесетесь воображеніемъ въ минувшее, былое, рисуя длинный рядъ событій и людей, которыхъ разнообразная и неутомимая дѣятельность сумѣла находить интересы во всемъ и вездѣ. Быть можетъ, вы скажете съ поэтомъ:

Высокая, полная тайны снаружи!
Когда же убійственный вихрь налетитъ,

Тогда громада неподвижно стоитъ;
Но эхо гремитъ въ ней рыданьемъ и плачемъ!

Увы, этому вѣковому зданію угрожаетъ неизбѣжная участь, будущность еще печальнѣе настоящаго: его сломаютъ, или, (что несравненно хуже) обезобразятъ пристройкой и нелѣпѣйшими вычурными завитушками, а это, разумѣется, окончательно убьетъ все въ произведеніи великаго мастера, произведеніи, на которое многіе, если не большая часть гражданъ смотритъ съ апатическимъ и даже съ безсмысленнымъ вниманіемъ. Не удивляйтесь, что мы изъявляемъ живѣйшее опасеніе наше относительно сломки или пристройки, несоотвѣтствующей характеру этого художественнаго зданія: такіе случаи въ провинціяхъ очень обыкновенны. Не говоря о другихъ городахъ, скажемъ о Тулѣ, въ которой на нашей памяти уничтоженъ былъ не одинъ каменный домъ, построенный въ прошломъ вѣкѣ по плану и рисунку извѣстныхъ нашихъ академиковъ-зодчихъ. — А между-тѣмъ сломаные домы были бы до сихъ поръ украшеніемъ города! И какъ бы вы думали, почему ихъ уничтожали? потому, что они имѣли «старинный фасонъ» (фасадъ) по точному выраженію туземцевъ рѣкъ Себровки и Хомутовки, впадающихъ первая въ Воронку, а послѣдняя въ Упу. Вотъ по какой необходимости ломали здѣсь изящное въ зодчествѣ! Но развѣ изящное старѣетъ? Помилуйте, никогда! Послѣ этого, скажите на милость, неосновательны ли наши опасенія? — Въ области искусства, о которомъ разумѣемъ,

старина такъ немного оставила намъ истинно прекраснаго, заслуживающаго тщательнаго хранения, что горячее сожалѣніе наше о уничтоженіи его пошлымъ невѣжествомъ, мало-по-малу, должно быть понятно любителямъ памятниковъ, ибо любовь ко всему прекрасному и презрѣніе ко всему унижающему искусство составляетъ принципъ такихъ людей. Благодаря распространившійся заботливости молодаго поколѣнія о новизнѣ, духъ безпощаднаго разрушенія старины, архитектурной реформы проникъ во всѣ слои общества, которое забываетъ, что у насъ.... напримѣръ, у насъ въ Тулѣ, дома частныхъ лицъ, выстроенные годовъ двадцать тому назадъ и въ довольно значительномъ числѣ, не выдержатъ самаго снисходительнаго суда критики. Да ктоже ихъ строилъ? спросите вы. Разумѣется, мѣстные архитекторы, но они, къ сожалѣнію, находились подъ вліяніемъ варварскихъ условій домохозяевъ, изъ которыхъ многіе желали, чтобы въ первомъ этажѣ были лавки, или кладовыя съ желѣзными рѣшотками, а во второмъ этажѣ жилыя комнаты съ какими-нибудь окнами, да печи съ лежанками, да чуланъ рядомъ съ жилыми комнатами и — только! О внѣшнемъ видѣ (фасадѣ) и удобствахъ расположенія комнатъ они и знать не хотѣли. «Какіе тамъ, батюшка, детали! намъ стройте дома, которые бы доходъ давали», сказалъ одинъ уѣздный мильйонеръ архитектору, взглянувъ на него съ надмѣнностію али-паши Янинскаго. «Мильйонъ! скромно возразилъ художникъ: — пожалуй, если хочешь построить домъ та-

кой, какой тебѣ угодно, можно, но нѣдь это будетъ груда кирпичей, смазанныхъ растворомъ изъ песка, глины, воды и гашеной извести. Надобно же этой массѣ дать какую-нибудь физіономію, что бы можно было отличить ее отъ двухъ-этажнаго амбара, въ которомъ помѣщаютъ хлѣбъ въ Одессѣ». Мильйонъ, имѣвшій привычку всегда смотрѣть вишъ съ кѣмъ разговаривалъ, опять взглянулъ на архитектора, но это уже былъ взглядъ султана Махмута, брошенный на янычаръ, когда онъ подписалъ имъ смертный приговоръ. — «Ну, такъ, въ разсужденіи сказать, не прогнѣвайся, сударь ты мой ученый, мы и другаго мастера найдемъ посговорчивѣе тебя, краснобая, и дѣло будетъ въ шляпѣ», отвѣчалъ онъ, слегка приподнимая засаленный картузъ и пошелъ въ лавку, гдѣ ссыпали ржаную муку.... Воля ваша, а съ такими народными силами и родными началами искусство не могло и не можетъ сдѣлать и шагу впередъ!...

Говоря о старинныхъ зданіяхъ въ Тулѣ, заслуживавшихъ пощады и уничтоженныхъ невѣжествомъ, мы уклонились отъ предмета нашего разсказа, въ чемъ и просимъ извиненія у читателя. Но намъ разсказывать уже нечего, потому что изустная хроника не сохранила болѣе никакихъ воспоминаній о столѣтнемъ домѣ «и глась ея быть слышанъ пересталъ.» Изустная хроника молчитъ, какъ каменный осьми-аршинный столбъ пирамидальной фигуры, находящейся на дворѣ дома Лугининыхъ, — на которомъ уцѣлѣлъ еще большой жестяной фонарь, нѣкогда освящавшій широкое

пространство этого двора; другихъ трехъ-фонарныхъ столбовъ давно, говорятъ, не существуетъ. Кстати или некстати, какъ угодно, но мы заключимъ наше описаніе старинаго дома въ Тулѣ искреннимъ сожалѣніемъ о томъ, что напрасно покойный дворянинъ нашъ А. П. Молчановъ израсходовалъ до тридцати пяти тысячъ рублей серебромъ на устройство дачи своей, что на Матякинскомъ — колодезѣ, въ отдаленномъ, скучномъ, міазматическомъ углѣ города, не говоря уже о непроходимой грязи и окружающей рамѣ лачугъ, построенныхъ среди болотъ. — Ясно, что упомянутая сумма брошена была имъ на затѣи, существенно безполезныя, въ чѣмъ покойный, незадолго до кончины своей самъ сознавался. Если бы А. П. Молчановъ, котораго благодѣяній долго, долго не забудутъ бѣдные граждане, израсходовалъ эти значительные деньги на возобновленія *безлюднаго жилища*, о которомъ *только-что шла рѣчь*, съ тою, одинакожъ, цѣлію, чтобы пожертвовать его въ собственность тульской губернской гимназіи, сгорѣвшей въ пожаръ 1834 года, то глубокая благодарность современниковъ была бы ему наградою, а имя его перешло бы въ грядущее потомство, какъ имя благороднаго гражданина, который.... не даромъ жилъ, не даромъ землю бременилъ.

—

II.

Привратникъ голубь-турманъ.

Находясь подъ вліяніемъ грустныхъ ощущеній и сопровождаемые привратникомъ, отставнымъ артиллерійскимъ солдатомъ, мы вышли изъ палатъ, какъ онъ называлъ ихъ. Мы прошли весь дворъ и сѣли на одну изъ каменныхъ ступеней наружной лѣстницы, ведущей во флигель, находящейся у второй ограды въ углу этого двора. Окидывая блуждающимъ взоромъ пространство, окаймленное надворнымъ строеніемъ, гармонирующимъ одно съ другимъ, мы повсюду видѣли не жизнь, а разрушеніе, что естественно увеличивало наше уныніе, чувство, очень тяжелое, когда оно присоединяется къ суммѣ горестей, которые преслѣдуютъ васъ, какъ злой, неумолимый духъ. Если хотите, то и здѣсь вы увидите жизнь, только она проявляется въ одной питательной или негодной растительности, которая выбрала себѣ уединенное мѣсто, тамъ, гдѣ когда-то существовали два цвѣтника, откуда смѣсь аромата цвѣтовъ доносилась на крыльяхъ услужливыхъ зефировъ во внутрь дома. Но въ настоящее время одинъ изъ этихъ цвѣтниковъ отданъ подъ огородъ, а на другомъ, кромѣ яблонь, грушъ, вишенъ и рябины, въ чрезвычайномъ обиліи развелись рѣпейники, малочай, бѣлена, крапива, волчецъ и сорныя травы, между которыми кое-гдѣ замѣтите макъ, колокольчики, ландышъ, фіалки и полевую гвоздику. Не тоже-ли проявляетъ и человѣческая дѣятельность на широкой аренѣ общественной

жизни, если посмотрѣть на нее съ нравственной точки зрѣнія? И въ нашихъ большихъ и малыхъ кружкахъ, много увидите олицетворенныхъ чертополоховъ, рѣпейниковъ, бѣлены, крапивы и волчцевъ, но что всего удивительнѣе (совѣстно сказать!) вліяніе этихъ чертополоховъ и рѣпейниковъ на общественное мнѣніе, какъ мечъ Демоклеса, виситъ надъ головою каждаго: такъ они завладѣли его вниманіемъ! Этого мало; пошлый говоръ ихъ и тупыя остроты всегда заглушаютъ скромный голосъ свѣтлаго ума, глубокихъ знаній и несомнѣннаго дарованія. Каждый изъ насъ изучалъ эти факты въ обществѣ, слѣдовательно, доказывать то, что каждый изъ насъ хорошо знаетъ, было бы безполезно. И мы было, глядѣвъ на капитальную громаду, дали волю нашей фантазіи. Намъ казалось, что на вопросъ поэта: зачѣмъ, скажи, предали тебя запустѣнію? онъ прочиталъ бы на ней, какъ на египетской пирамидѣ, таинственные слова: «судьба»! Но такъ-какъ до авторскихъ ощущеній и фантазій, какіе-бы они впрочемъ не были и въ какомъ-бы онъ не находился настроеніи, самому благосклонному изъ читателей нѣтъ никакого дѣла, то мы, зная эту непреложную истину и повели съ привратникомъ слѣдующій разговоръ.

— Въ какомъ ты полку служилъ? спросили мы солдата, закуривая сигару.

— Мы служили въ армейской конной артиллеріи, а не въ полку, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ, снимая фуражку и вытягиваясь, какъ во фронтѣ.

— Какого-же ты былъ ранга въ прислугѣ, гот-лангеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ, бомбандиромъ служили....

— Значитъ: орудія и банникъ старинные твои знакомцы.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе.

— И по командѣ: батарея заряжай! безъ команды съ картузомъ! ты кричалъ: тузъ! вмѣсто картузъ.

— Дѣйствительную правду вы изволите говорить, отвѣчалъ онъ и на губахъ солдата мелькнуло что-то такое похожее на улыбку.

— Какая это на тебѣ шинель? Такихъ въ артиллеріи не носятъ....

— Стараго завѣту, отвѣчалъ солдатъ.

— Долго служилъ?

— Двадцать семь лѣтъ и гневроны на лѣвомъ рукавѣ имѣемъ.

— Какъ твое имя и отечество?

— Были Ѳедулъ Антиповъ, а по прозвищу Голубь-Турманъ.

— Воля твоя служба, а не по Сенькѣ шапка дана, какъ говорится. На голубя ты совсѣмъ не похожъ, развѣ на коршуна немного смахиваешь.

— Такъ прозывался покойный нашъ родитель, ваше высокоблагородіе, а сыну къ какой стати было мѣнять родительское прозвище? Это тоже, что забыть его благословеніе.... Незамолимый грѣхъ! Какъ же послѣ эвтаго мы поцѣловали бы крестъ и Евангеліе на вѣрность службы православному Царю-Государю? Никакъ не можно было

бы намъ и близко подойти къ такой святынѣ, забывъ родительское благословеніе и перемѣнивъ наше прозвище, отвѣчалъ солдатъ, сопровождая взгляды свои легкимъ оттѣнкимъ негодованія.

— Это тебѣ дѣлаетъ большую честь и слова твои заслуживаютъ похвалу, но не о томъ дѣло, служба. Скажи, Голубь-Турманъ, одному тебѣ здѣсь ночью должно быть страшно, жутко по-вашему?

— Чего намъ бояться, ваше высокоблагородіе, воры не полезутъ въ пустые палаты, тамъ уже взять нечего, сами вы изволили видѣть, что нечего, а мертвецы шлялись съ кладбища, да угомонились, перестали давнымъ давно.

— Развѣ они когда являлись здѣсь? спросили мы, улыбаясь.

— Да, иногда шлялись, болтаютъ старики, въ эвтомъ не извольте сумлеваться, простодушно отвѣчалъ привратникъ.

— И ты, служба, въ простотѣ сердца вѣришь этимъ нелѣпымъ народнымъ сказкамъ?

— Люди ложь и мы тожъ, по пословицѣ, ваше высокоблагородіе. Какая намъ нужда, что намъ за дѣло распрашивать правду ли народъ болтаетъ: ротъ чужой не хлѣвъ свиной, не затворишь. Мы докладываемъ вашему высокоблагородію то, что слышали — чужіе рѣчи, а божиться не будемъ — и подъ присягу не пойдемъ, сказалъ солдатъ, обидясь.

— Но вѣдь, служба, народная болтовня сплошь да рядомъ вздоръ, пустяки, особенно, когда дѣло

касается до мертвецовъ, которыхъ не было, нѣтъ и не будетъ. Легковѣрный! и ты, въ твои лѣта думалъ, что они *дѣйствительно могли являться* въ комнатахъ этого пустаго дома? Стыдно, братъ тебѣ, служба, вѣрить подобнымъ нелѣпостямъ. Не должно быть, по крайней мѣрѣ, глупѣе глупыхъ невѣждъ, разсуждали мы, надѣясь, что убѣжденія наши поколеблютъ его вѣрованіе въ привидѣнія: не тутъ-то было!

— А когда все это вздоръ, пустяки и нелѣпость, ваше высокоблагородіе, то намъ приходится замолчать, потому что вы сумлѣваетесь и вамъ не угодно видно слушать наши глупыя рѣчи, возразилъ онъ, сдѣлавъ гримасу и покручивая лѣвою рукою длинные, съ просѣдью усы свои.

Значило, что противорѣчія наши задѣли службу за-живое. Небрежно отставивъ правую ногу на третью позицію, онъ посматривалъ въ сторону съ видомъ человѣка оскорбленнаго. Служба не на шутку разсердилась; а между тѣмъ любопытство наше раздражалось. Мы желали знать, во что бы то ни стало, до какой степени могутъ доходить вымыслы народныхъ заблужденій по части юродствующаго воображенія, которое у него неистощимо въ явленіи небывшаго, вымысловъ обиходныхъ, переходящихъ изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, вымысловъ, изъ суммы которыхъ слагаются преданія. И мы сказали:

— Ну, пусть такъ будетъ какъ старики, или, скорѣе, старухи говорятъ, мы согласны *тебя* слушать съ удовольствіемъ; только объясни намъ,

служба, въ какую же пору дня, или ночи, т. е. въ какіе именно часы мертвецы приходили бродить въ палаты и за какою надобностію? говорили мы, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Не днемъ и не ночью, а въ глухую полночь, передъ пѣтухами, отвѣчалъ онъ, обрадовавшись, казалось, случаю высказать таинственныя событія пустаго дома, а можетъ быть, имѣя намѣреніе въ свою очередь озадачить насъ силою солдатскихъ своихъ аргументовъ. Какая же нечистая сила днемъ понесетъ въ городъ мертвеца съ погоста? сказалъ онъ, посмотрѣвъ на насъ вопросительно. Какъ это можно, ваше высокоблагородіе! Пожалуй отъ бѣды не уйдешь и на будочника наткнется. Вѣдь мертвецы, говорятъ, днемъ ничего не видятъ: слѣпы, какъ совы, и напр. братъ, солдатъ, спуска давать не любитъ — тотчасъ зашибетъ, аль алебардою поколитъ, разсказывалъ стражъ, энергически размахивая правою рукой, въ которой держалъ фуражку, и подергивая лѣвымъ плечемъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ жиды, но онъ не былъ жидъ. Это только обнаруживало несомнѣнную истину, во-первыхъ, и угловатость его движеній, отъ чего изъ фуражки солдата выпалились бѣлая тряпка вмѣстѣ съ какими-то двумя листами писанной бумаги, которыя онъ торопливо поднялъ съ травы и положилъ опять въ фуражку; во-вторыхъ, что «служба была маленько выпивши», какъ выражаются туземцы рѣкъ Себровки и Хомутовки.

— Зачѣмъ же мертвецы шлялись сюда? про-

должали мы спрашивать, если не допрашивать привратника.

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ онъ вздыхая, да свое доброе кому не жаль? Они шлялись сюда въ глухую полночь, передъ пѣтухами....

И не окончивъ фразы, привратникъ, доставъ берестовую табакерку изъ-за обшлага своей шинели, втянулъ въ носъ свой значительный нюхъ табаку, высыпавъ его прежде на ноготь большаго пальца лѣвой руки.

— Да сказывай живѣй! зачѣмъ они ходили въ палаты съ кладбища? спрашивали мы тономъ настоятельнаго приказанія.

— Выть и рыдать! отвѣчалъ солдатъ, слегка покачивая головою. Воютъ бывало, говорятъ, такъ жалобно и пронзительно, что сосѣдямъ приходилось хоть дома продавать.... Очинно страшно мертвецы выли, не по-человѣчески и не по-звѣриному, какъ собаки, аль волки, аль шакалъ какой воютъ. —нѣтъ, не въ примѣръ страшнѣе! Волосы на головѣ становились дыбомъ и лихоманка трясла тѣхъ, которые слышали эвти ужасти.... Когда-же ваше высокоблагородіе, происходили у нихъ тамъ сходбища, то, говорятъ, бывало и внезапное освѣщеніе на подобіе молоньи: вдругъ эвтакъ освѣтитъ, а тамъ опять все темно, а рыданіе и вытье продолжались. Вотъ какія оказіи бывали, есть чего было пугаться! Видно мертвецамъ очинно ужъ жалко стало опустошенныхъ палатъ, изъ которыхъ все порасподали, а мошенники порасхитили, порастащили все до синя пороха! Но толь-

ко пѣтухи въ городѣ замахаютъ крыльями и не успѣютъ они еще затянуть голосистой своей пѣсни, а мертвецы давай тягу: улепетываютъ себѣ во-свояси, не оглядываясь. Сдѣлай они оплошку на единый только мигъ и раздайся голосъ хоть одного пѣтуха — въ ту же минуту всѣ бы провалились сквозь землю!.. Послѣ пѣтуховъ сосѣди засыпали, а въ глухую полночь не до сна бывало имъ: тряслись, говорятъ, отъ страха, какъ листы на осиновомъ древѣ, на которомъ удавился Іуда Искаріотскій, ваше высокоблагородіе....

Такимъ образомъ, по разстановкѣ окончательныхъ словъ заключительной фразы, выходитъ, что простодушный разскащикъ произвелъ насъ не въ примѣръ прочимъ въ Іуды Искаріотскіе, если корректоръ забудетъ поставить знакъ препинанія тамъ, гдѣ слѣдуетъ.

Между тѣмъ, какъ мы, слушая мѣстную сказку привратника, глядѣли на капитальное зданіе, которое начинала отдѣлять отъ насъ наступающая темнота лѣтнихъ сумерекъ, къ намъ подошла дѣвочка на видъ лѣтъ двѣнадцати, довольно опрятно одѣтая, высокая ростомъ и очень хорошенькая собой. Откуда взялось это милое дитя, не изъ палатъ-ли вылѣтела она, куда вмѣсто мнимыхъ мертвецовъ видно приходятъ нынѣ одни дѣти чтобы научаться превратностямъ этого міра? думали мы. Обращаясь къ солдату, дѣвочка сказала сладенькимъ голосомъ:

— Дѣдушка! за табакомъ пришли.

— На сколько купляютъ?

— На двѣ трынки, отвѣчала дѣвочка, подавая солдату двѣ копѣйки серебромъ, которые онъ положилъ въ карманъ пестраго своего жилета.

— Отдай имъ два рожка, что въ шкапу на нижней полкѣ лежатъ, знаешь? Вечоръ ты сама снертывала ихъ изъ бумаги, что у приказнаго покупаемъ....

— Знаю, отвѣчала дѣвочка, собираясь идти.

— Погоди, постой, куда такъ спѣшишь, вишь прыткая какая! вскричалъ солдатъ сердито, нахмуривъ брови и повернувшись къ полу-оборота къ ней. А кто прислалъ? спросилъ онъ, понизивъ голосъ на двѣ октавы и, разчувствовавшись до того, что погладилъ дѣвочку по головѣ съ нѣжностію.

— Отъ Викулы....

— Парменова что-ли?

— Да, отвѣчала дѣвочка, робѣя и посмотрѣвъ на насъ застѣнчиво.

— А четыре семерки долгу прислалъ?

— Нѣтъ, не прислалъ....

— Такъ скажи же, люба моя, тому, кто прислалъ, что молъ, хозяинъ его, Викула Парменовъ, на цѣлый четвертакъ забору сдѣлалъ. Посулился было сегодняшняго числа уплатъ учинить, да видно забылъ, курчавая голова. Накажи, чтобы безпременно утромъ доставилъ, а то товару и такъ пропасть расхватали безъ денегъ. А тамъ, извѣстное дѣло, и начнутъ завтраками кормить. Слышь, накрѣпко накажи!

— Хорошо, скажу, дѣдушка, отвѣчала дѣвочка, умильно взглянувъ на солдата и побѣжала отъ

насъ къ карауллѣ, находящейся, какъ выше сказали, у первой уличной оградѣ, рядомъ съ воротами.

— Какую это ты, служба, бумагу покупаешь у приказнаго? спросили мы привратника.

— Писанную, ваше высокоблагородіе.

— Листовую?

— Попадается иной разъ и листовая, а то все въ трубкахъ, въ длинныхъ свертках, на подобіе бинтовъ, какими фершала раненыхъ, аль больныхъ въ гошпиталяхъ перевязываютъ; развѣ маленько пошире будетъ бинтовъ.

— А приказный, или подъячій по-вашему, который носитъ къ тебѣ эти бумажные свертки, гдѣ служитъ?

— Въ какомъ-то архивѣ, кажись, а заподлинно намъ неизвѣстно въ какомъ тамъ судилищѣ служитъ это крапивное сѣмя.

Значило: это были старинные столбцы, хранившіеся въ подвалахъ архива.

— Не осталось ли у тебя хоть одного свертка, которые ты употребляешь на твои рожки, служба?

— Теперь нѣтъ, всѣ порѣшили, на лоскутки изрѣзали, да рожки подѣлали, а въ рожки табакъ понасыпали; но когда подъячій принесетъ, то извольте взять сколько угодно, ваше высокоблагородіе. Онъ въ мѣшкѣ таскаетъ къ намъ свертки: на что они годны? Крысы съѣдятъ же эвтотъ хламъ. У насъ, дескать, говоритъ подъячій, иногда случается, сторожа печки эвтими бумагами топятъ; за то беремя другое дровецъ снесутъ зна-

комому сидѣльцу, что цѣловальникомъ зовутъ, а тотъ ихъ водкой, аль пивомъ угощаетъ.

Такъ-то и вездѣ безвозвратно погибли тысячи старинныхъ актовъ, а въ числѣ ихъ были, безъ всякаго сомнѣнія и такіе, которые заключали въ себѣ драгоцѣнные историческіе факты.

— А какіе же бумаги у тебя вывалились изъ фуражки, служба, которые ты опять положилъ подъ тряпку? спросили мы стража, вспомнивъ что онъ, разсказывая намъ сказки о будочникѣ и мертвецахъ, энергически сдѣлалъ такое движеніе рукою, что и то и другое попадало на-земь. Подавая намъ листъ бумаги, сложенный въ четверо, солдатъ отвѣчалъ:

— Эвтотъ листокъ, ваше высокоблагородіе, мы давича взяли-было съ собою, хотѣли въ него полфунтика кружевнику завернуть для внуки. Ягода нынѣче дешевая, ни-почемъ, много уродилось; а торговка, тетка Степанида, въ свою бумагу завернула. Не замай, говоритъ, служивый, твоя-то грамотка при тебѣ останется, иное дѣло годится носъ утереть. Что ты, молъ, тетка Степанида, станемъ ли мы бумагою носъ утирать, Христосъ съ тобою, у насъ на эвто имѣется платокъ въ фуражкѣ. А тетка Степанида на рѣчи наши сказала: «ну, ужь платокъ! зажми имъ свой ротокъ, эвтою тряпкою-то, служивый, да прималчивай.» Каковъ, молъ, есть, не въ люди несть, просимъ не прогнѣваться. А па-умѣ подержали: сама, молъ, ты тряпица, чортова падчерица.

— А это какая еще осталась у тебя въ фураж-

къ бумага, служба? спросили мы его, указывая на свернутый также листъ бумаги, лежавшій за бѣлою тряпкой, которая замѣняла носовой платокъ, въ чемъ былъ служба рѣшительно убѣжденъ.

— Видно мы не нарокомъ ее захватили, тоже не при насъ писана: ничего не разберешь. Въ старину подъячіи-то писывали, словно мухи бродили.

То были два довольно замѣчательные акта, рукописи, объ относящіяся къ 1703 году. Одна изъ нихъ, если хотите, стоитъ печати; это царская грамота, писанная на гербовой бумагѣ гораздо меньше нынѣшней обыкновенной формы, замѣнившей столбцы съ 1700 года. Она сложена была въ видѣ пакета и адресована такъ: «На Коширу стольнику и воеводѣ князю Никитѣ Ивановичу Волконскому.» На другомъ листѣ, писанномъ другимъ почеркомъ, прочитали мы цѣлый рядъ объявленій, изъ которыхъ одно въ высшей степени куріозное; оно вводитъ насъ въ искушеніе: мы сомнѣваемся въ здоровьѣ юридическаго мозга того, кто писалъ его. Предлагаемъ на воззрѣніе читателя краткое извлеченіе изъ упомянутой граматы и этого куріознаго объявленія, подлинники котораго хранятся въ нашемъ портфелѣ.

Содержаніе царской граматы заключаетъ въ себѣ подробное изложеніе жалобы стольника Митрофана Данилова на вдову Авдотью Заболоцкую, которая похитила изъ дома Данилова двухъ дѣтей умершаго родственника его Тимофея Писаре-

ва; «знатное-де дѣло,» сказано въ этой грамотѣ, что она, Заболоцкая, хочетъ яко бы и животами и всякими пожитки завладѣть.... А нынѣ-де крестьяне и люди (дворовые) всякаго хлѣба продали Писаревыхъ на пятнадцать рублевъ безъ вѣдома его Данилова и кому тѣ деньги отдали, или у нихъ, и ему Митрофану неизвѣстно. Да общая карета отца ихъ (похищенныхъ дѣтей) была въ домѣ его (ихъ отца) умершаго; и ту карету съ возниками (хомутами) и съ шорами и уздами и возжами отдалъ опъ, прикащикъ Лаврентій и староста съ товарищи вдовѣ Авдотьѣ Заболоцкой и незнамо-де для чего, а цѣна той каретѣ и возникамъ и шорамъ и уздамъ и возжамъ сорокъ пять рублевъ.»

Изъ этого видно, что у насъ, на Руси, еще гораздо прежде 1703 года помѣщики ѣздили въ каретахъ не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Цѣнность этого экипажа и конской сбруи изумительно дешева. О похищенныхъ дѣтяхъ ни слова: *въ то время и не такія дѣла творились.* Вотъ и объявленіе:

«Отъ приказной избы города Алексина публикуется: не окажется-ли кому принадлежащею шапка сѣраго сукна, оставленная невѣдомо кѣмъ при грабежѣ разныхъ пожитковъ въ домѣ Алексинскаго помѣщика Скобельцына.»

Неужели приказный, сочинявшій это забавнѣйшее изъ объявленій, въ простотѣ сердца предполагалъ, что разбойникъ будетъ столько глупъ, что признаетъ свою шапку, если бы онъ и дѣйствительно потерялъ ее во время грабежа?

Само-собою разумѣется, что намъ нѣкогда было читать эти документы, ведя разговоръ съ привратникомъ, столько насъ заинтересовавшимъ: да и темнота сумерекъ препятствовала этому занятію. Опустивъ оба листа въ одинъ изъ наружныхъ кармановъ нашего пальто, мы спросили солдата:

— Скажи, служба, у кого ты покупаешь табакъ, который продаешь?

— Въ Тулу привозятъ его въ папушахъ на возахъ, изъ епифанскаго, богородицкаго и ефремовскаго уѣздовъ, гдѣ немногіе помѣщики недавно начали сѣять табакъ. Только эвтотъ самаго низкаго колибра.

— А какъ онъ называется?

— Амафоркой, называютъ и махоркой, какъ придется. Молодые парни, смѣха ради, прозвали его сногсшибательнымъ и даже чемеркой. И подлинно, ваше высокоблагородіе, отъ одного нюха лобъ затрещитъ у того, кто эвтой махорки отродясь не употреблялъ.

— Понятно: подъ этимъ названіемъ извѣстенъ нюхательный, а курительный низкаго калибра — по твоему?

— А курительный называютъ тютюномъ, крѣпокъ также, такое зелье, что съ непривычки всю гортань, какъ кипяткомъ обожжетъ и голова кругомъ пойдетъ отъ единой трубки. Тютюнъ куритъ чернь, простой народъ, да подъячіе выгнанные за взятки изъ службы, а болѣе всѣхъ нашъ братъ солдатъ тютюнъ куритъ. Солдатъ безъ трубки,

какъ баба безъ юбки, говаривалъ нашъ фейерверкеръ Бруслонъ. Есть и такіе охотники, которые употребляютъ и тотъ и другой; а есть и эвтакіе: возмутъ мокрый листокъ махорки, свернутъ его въ комокъ, да за губу въ ротъ положатъ — такъ и работаютъ до ѣды. Видали мы, ваше высокоблагородіе, что иные и обѣдаютъ, не вынимая изъ рта табачнаго комка, какъ-будто корова не можетъ разстаться съ жвачкой. Подумаешь, какихъ-какихъ на свѣтѣ людей не бываетъ: — табакъ сосутъ, пострѣлы, какъ младенецъ груди матери....

— По какой ты цѣнѣ продаешь этотъ табакъ? Напримѣръ, что стоитъ фунтъ сногсшибательнаго, то есть, махорки и фунтъ тютюна?

— Нюхательному разные цѣны, ваше высокоблагородіе, отъ шести съ половиною копѣекъ до двугривеннаго; а тютюнъ за одинъ фунтъ можно взять четыре семерки (8 коп. сереб.), а четвертка будетъ стоитъ двѣ трынки (7 коп. ассигнац.)

— Развѣ ты самъ, служба, приготовляешь его?

— Кому же за насъ хлопотать, ваше высокоблагородіе? Вѣстимо самп. Работника нанять не подъ силу, дороги, и на своихъ харчахъ дороги, а на фабрикѣ, аль въ цырюльнѣ покуплять не выгодно; игра не стоитъ будетъ свѣчъ, какъ говорилъ нашъ адъютантъ. Признательно доложить вамъ, эвтими дѣлами занимаемся мы съ тѣхъ поръ какъ прибыли изъ полка на родину. Нюхательный тремъ въ горшкѣ и въ ступѣ его толчемъ, а курительный возмешь пучка два, аль три, поло-

жишь на лавку, спрыснешь водой да и давай его ножемъ рѣзать, какъ кухарки лапшу крошатъ. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ, это не мастерство какое.... Что дѣлать! надо же чѣмъ ни на есть провіантъ промышлять. Не сидѣть же сложа руки, подъ лежащій камень и вода нейдетъ, а бездѣлье другаго съ ума сведётъ. И трынка сама не полѣзетъ въ карманъ и эту малую деньгу приходится зашибить трудомъ. Вотъ внуку, что приходила оставила намъ родная племянница, а сама душу Богу отдала. Осталась, бѣдняжка, безъ отца и матери, а родства опричь насъ никого нѣтъ. Сирота круглая безъ пристанища. Какъ посмотришь иногда на горемычную, такъ такая кручина одолѣетъ, что повѣрьте Богу, ваше высокоблагородіе, прошибаютъ слёзы и каплютъ потомъ одна за одной, тогда не знаешь куда дѣваться и жизни бываешь не радъ! А вѣдь кручину не размѣчишь какъ лучину. И сбылась пословица: не бьютъ и не сѣкутъ, а слезы изъ глазъ текутъ. Вотъ мы кое-какъ и кормимся, а таскаться по улицамъ съ нищею братіею не пущу спротину, ей, ей! не пущу. — Стыдно старому солдату услышать отъ добрыхъ людей нарекательное слово: твоя, дескать, внука, служивый, по міру хрещеному шатается вмѣстѣ съ оборванными бродягами. Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, пока силы хватаетъ, будемъ лямку тянуть, будемъ заработывать, какъ сумѣемъ, копѣйку на черный день; а на милостину богатыхъ людей плохая надежда, право плохая, тамъ что ни толкуй! Пошатались мы, ваше вы-

сокоблагородіе, по матушкѣ-Россіи, пошатались, видали на своемъ вѣку встрѣшныхъ и поперешныхъ, вдоволь всего наслушались и на все нагляделись. И въ Туречинѣ были, Балканы переходили, и въ Польшѣ подъ Астреленкой воевали, и на Кавказѣ съ бусурманами въ сраженіяхъ находились, не одну экспедицію сдѣлали, и въ Крыму Богъ привелъ быть, въ Бакчи (сараѣ) воду пить, и въ Одессахъ, что на Черномъ морѣ, стоитъ, квартированіе имѣли....

— Ну, думали мы, воспоминанія унесутъ его на коврѣ-самолетѣ за тридевять земель въ тридесятое царство и этому не будетъ конца и потому необходимость вынудила насъ сказать:

— Ты, служба, началъ-было разсказывать о богачахъ.

— Не мало мы видѣли, ваше высокоблагородіе, и богатыхъ бородъ. Пора намъ не знать, кто они эвтакіе! Многіе изъ нихъ богаты только для своего мамона, али для пріятелей, съ которыми компанства имѣютъ, бражничаютъ, а тамъ хоть трава не расти. Иной и ухомъ не поведетъ и глазомъ не посмотритъ, коль случится ему услышать голосъ бѣдняка. Придешь, бывало, эттa знаете съ проздравленіемъ.... Ну, вѣстимо дѣло съ годовымъ праздникомъ, али съ именинными какими проздравить, (поклониться — голова не отвалится). Ждешь не малое время, а тамъ, глядишь, какая ни на есть прачка вынесетъ тебѣ водки (и съ полшкалика не будетъ), да отъ имени хозяина скажетъ: спасибо, дескать, служивый, и маршъ со

двора. Но изъ спасибо шубы не сошьешь, ваше высокоблагородіе. Спѣсивы, ужъ больно стали спѣсивы! Бывало наши полковые командиры и даже военное генеральство гораздо доступнѣе, а къ иной бородѣ и приступу нѣтъ. Конечно, ваше высокоблагородіе, мы люди такъ себѣ-ничего, грамати и писать только горазды, да цыфирью долги на стѣнѣ мѣломъ записываемъ, да про себя маленько на щетахъ маракуемъ, а смѣкаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ также, какъ и мы, на мѣдные деньги учились; у иного и ума-то на гривну, а спѣси на полтину. Но слухомъ земля полнится, шила въ мѣшкѣ не утаишь, какъ говорится. Случалось и нашему брату, солдату, слышать какое иной прочій изъ нихъ воспроисхожденіе имѣлъ и какъ капиталы-то у нѣкоторыхъ богачей накоплялись съ грѣхомъ пополамъ. Еще до французовъ (1812 г.), знавали мы одного въ Малороссійскомъ (Новороссійскомъ) краѣ, (помянуть не къ ночи, а ко дню!) Дѣдъ его, ваше высокоблагородіе, въ колокола звонилъ, а онъ великана по городамъ возилъ, какъ чудо, аль урода какого, прости Господи. На штуки поднялся: вздумалъ его православнымъ за деньги показывать. Всю Россію съ нимъ околесилъ и въ Нѣметчину нелегкая носила грѣховодника съ великаномъ: нѣмцевъ удивлять, а корманъ свой набивать. Пособралъ онъ, говорятъ, денегъ и счету нѣтъ; но когда уродъ эвтотъ взялъ да умеръ, то онъ и мертвое тѣло его обратилъ въ деньги, продавъ тамошнимъ лѣкарямъ, что шкилеты дѣлаютъ. (Ротный фершелъ намъ объ эвтимъ

слазывалъ). Такимъ побытомъ, покончивъ съ своимъ товаромъ, какъ слѣдуетъ, или, вѣрнѣе, какъ не слѣдуетъ потому, что жена и дѣти великана были имъ на-чисто ограблены, онъ, уѣхавъ мѣщаниномъ, возвратился ко дворамъ купчиной, выстроилъ каменные палаты и зажилъ отлично. Началъ сотнями тысячъ рублевъ ворочить, началъ сало бочками на своихъ корабляхъ отправлять, китайскими чаями и заморскими винами торговать, собственные свои фабрики и заводы имѣлъ, съ господствомъ самымъ знатнѣющимъ запанибрата обращался.... А сынками Богъ крѣпко изобидѣлъ его: народились дурачье пошлые, глупыши; учителя на-спзу грамотѣ и писать могли выучить. Но спѣсь и гордость и въ нихъ вцѣпились, какъ сатана въ отъявленнаго грѣшника. Передъ градскимъ головою и городничимъ шапки не ломали. Не имѣй тятенька ихъ капиталовъ и фабрикъ, то *глядишь кому-нибудь* взъ нихъ при первомъ бы рекрутскомъ наборѣ лобъ забрили, а какъ богаты были, то и частные за великую честь считали *поклониться глупышамъ*, а фартальные не отказались бы шинель, аль шубу подать. Правду говорилъ нашъ адиторъ, что счастіе валится на иныхъ, да на колоды и рѣдко, рѣдко на людей. Вамъ извѣстно, ваше высокоблагородіе, что счастіе человѣку на роду написано; роди его мать хоть подъ угломъ, а безъ счастія, до тѣхъ поръ будешь маяться, пока тебя не положатъ подъ бѣлую холстину....

Дѣйствительность неутѣшительную, правду горь-

кую разсказывалъ солдатъ, однако, мы, замѣтивъ, что пророковѣщательная рѣчь его истощается, сказали:

— Продолжай, служба, мы слушаемъ тебя на оба уха.

— Отецъ ихъ померъ, а сынки и принялись кутить на-пропалую. Видно на безпутныя дѣла ума у нихъ хватало, продолжалъ привратникъ. Откуда не возмись — друзья, пріятели и знакомые понавязались къ нимъ на шеи, прилипли, какъ банный листъ. А все лизоблюдничать собирались у глупышей. Пошли закуски и попойки всякій Божій день. Чтожъ? погреба рейскихъ винъ были свои, сахару и чаю вволю, такъ и пей сколько душѣ угодно, душа мѣру знаетъ. Но пить до дна не видать добра, по пословицѣ. И попили у нихъ, ваше высокоблагородіе, банкеты, вечера съ музыкою и актеры на кіатрѣ представляли разныя комедіи; а не рѣдко задавали и пиръ на весь міръ — вались комаръ и муха! Поякшались и съ цыганствомъ: добрые люди къ заутрени бывало спѣшатъ, а у нихъ въ палатахъ идетъ дымъ карамысломъ. И въ картишки баловались, но шулера зло надували ихъ, когда бывали они подъ хмѣлькомъ; да и трезвые сядутъ, бывало, играть въ эвти пеструшки, — ну, какъ куръ во щи всегда пробубенятся. Говорится пословица: худому сыну не въ помочь отцовское богатство, которое они ухитрились порѣшить ровно въ три года, обрешпектились, остались не при чемъ, какъ ракъ на мели. Куда и лизоблюды подѣвались, всѣ схлынули, какъ

мутная, грязная вода, будто яга-баба помѣломъ смѣла! Въ народѣ говорится: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Но что изъ эвтова, если у глупышей остались головы на плечахъ? На какую надобность они имъ пригодились бы безъ богатства, которое у нихъ между рукъ прошло? Примѣромъ сказать: пустая граната, аль брандскугель безъ артиллерискаго состава, что въ лабораторіяхъ дѣлаютъ, годятся развѣ кадушки парить, философствовалъ солдатъ послѣ нюханія табаку. Поспустивъ все, что имѣли, продолжалъ онъ, утираясь своею тряпкою, глупыши обѣдняли, а извѣстное дѣло, что пустая сума, хоть кого сведетъ съ ума. Одинъ изъ нихъ съ горя въ могилу свалился, а другой отъ долговъ на Кавказъ убѣжалъ, — тамъ и животъ свой положилъ. (Худая трава изъ поля вонъ!) Къ эвтому-то купчинѣ, отцу негодныхъ парней, годовъ съ пятокъ тому знать будетъ, приходили мы объ масляницѣ.... Не тѣмъ будь помянутъ покойникъ, а ужъ онъ задалъ намъ такой комуфлетъ, въ такой конфузъ привелъ, что отбилъ было охоту съ проздравленіемъ ходить....

— Что, служба, спросили мы, видно проштыкнулся, на проклятаго скрягу напалъ?

— Да, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ, проштыкнулись-было, къ такому скупягѣ судьба заманила, который надъ мѣднымъ пятакомъ, бывало, трясучкою — трясся. Но вѣдь и на всякаго мудреца бываетъ много простоты, а мы люди без-

хитростные, смирные, пороху не выдумаемъ и курицы не обидимъ, такъ надъ нами ухмыляться очинно можно богатымъ людямъ.

— Разскажи, пожалуста, какъ и чѣмъ тебя обидѣли?

— Извольте, паше высокоблагородіе, ради стараться. Пришли этта мы къ нему на прощальной день по русскому обычаю. Онъ увидѣлъ насъ въ окошко и началъ стучать пальцами по стеклу и махать рукой, зазывая къ себѣ въ палаты. Вотъ мы и вошли въ горницу. Хозяинъ выслалъ намъ водки и цѣлый блинъ въ переднею, а немного погодя, когда одинъ изъ холопей ввелъ насъ въ кабанстъ (кабинетъ), что ли, какъ эвту горницу, тамъ называютъ (на-тощахъ не выговоришь), мы сказали:

— Желаемъ здравія, Патапъ Дементичъ.

— Здорово, Голубь-Турманъ! Ну, какъ поживаешь и табакомъ промышляешь, служивый? отвѣчалъ онъ, а самъ сидитъ себѣ въ широкомъ креслѣ передъ столомъ, на который холопъ разные закуски ставилъ. Положивъ обѣ толстые руки на брюхо свое, онъ изъ подлобья посматривалъ на насъ и чему-то про себя ухмылялся. Потомъ Потапъ Дементичъ всталъ (дюжій былъ мужичина!) выпилъ этта порядочную красоулю земной настойки, да жирнымъ пирогомъ началъ закусывать, а икра зернистая такъ и течетъ съ длинной бороды его на скатерть....

Мы молчимъ, выжидаемъ, знасте, какая еще

удаль отъ него будетъ. Доброе молчаніе ни въ чёмъ отвѣтъ, ваше высокоблагородіе.

— Что же ты, Голубь-Турманъ, примолкъ, не гуркуешь, аль оглохъ, аль не нарокомъ кто крыло зашибъ въ питейномъ? Говори? какъ поживаешь? повторилъ онъ, все ухмыляясь.

— Живемъ, молъ, какъ Богъ привелъ, часомъ съ квасомъ, а порою съ водою, Патапъ Дементичъ.

— Какъ-такъ? спросилъ кунчина, ввалившись въ мягкое кресло, какъ боровъ въ логово.

— Такъ, Патапъ Дементичъ, имѣемъ хлѣба съ крошку, да крупъ съ осьмушку.

— Чего же тебѣ еще, Голубь-Турманъ, помилуй! сказалъ онъ, доѣдая полпирога во весь ротъ. Не всѣмъ же, служивый, эвтакіе пироги ѣсть, будетъ съ тебя и того, коль посмотришь, какъ нашъ братъ кушаетъ ихъ.

— Правду вы молвили, Патапъ Дементичъ, говорю, сущую правду, куда намъ эвтакія сласти ѣсть, — языкъ проглотишь. Для нашихъ пироговъ еще дрожжи не готовы, а сварятъ ихъ знать послѣ дождика въ четвергъ. Но намъ жалко стало внуки, когда она, люба наша, сказала однажды: дѣдушка! я ходила къ теткѣ Агафьѣ, что чулки давала мнѣ вязать, а у нее, дѣдушка, всѣ дѣти ея пироги ѣдятъ, а у насъ никогда не пекутъ ихъ, хотя вчера былъ и великій праздникъ Петра и Павла....

— Что жъ ты, служивый, въ самомъ дѣлѣ прикидываешься такимъ непонятнымъ, перебилъ онъ

вашу рѣчь. Я смѣкаю, что промыселъ твой не безъ барышей.

— Какіе тутъ барыши, когда все въ долгъ пишу, а въ долгъ не дашь, такъ не продашь, Патапъ Дементичъ. Въ иной день и на пятналтынный выручки не сдѣлаешь въ день. — Сами вы знасте лучше насъ торговые-то обстоятельства. На эвто онъ отвѣчалъ:

— Охъ, вы мелочь, голыши, лавочники, изъ пустого въ порожнѣе пересыпасте, а туда же суетесь толковать о торговлѣ; по у тебя, служивый, и лавочки-то нѣтъ. Я въ табачищѣ твоемъ ни бельмеса не смыслю, несъ бы его взялъ, гадость эвтакую! Тутъ Патапъ Дементичъ плюнулъ, да выпилъ другую чепаруху той же настойки.

— Большому кораблю и плаванье большое, а вамъ Патапъ Дементичъ и мѣсто столбовое, почетъ первой руки. Но мы.... да что объ насъ и толковать! мы люди Божіе и только. У внуки, къ слову пришлось молвить, ни платьица, ни платка на шею нѣтъ, не въ чѣмъ спротнѣ въ храмѣ Господнiй къ обѣдни пойти. А куплять-то выходитъ не на что, грошей нема....

— Такъ пусть она дома на святыя иконы молится, говорилъ эвта онъ, все равно лишь бы молилась. Да ты бы, служивый, отдалъ ее на какую ни на есть фабрику: въ одинъ мѣсяцъ заработаетъ деньги на платьѣ и на платокъ также.

Проговоря такіе рѣчи, Патапъ Дементичъ досталъ изъ кармана полный кошелекъ, высыпалъ изъ него лобанчики (*полуимперіалы*), серебреные

рубли, полтинники и началъ перебирать ихъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Голубь-Турманъ, наконецъ я нашелъ для тебя цѣнную монету, дороже ея нѣтъ въ моемъ кошелькѣ; ну, теперь маршъ ко мнѣ, служивый!

Мы стояли у двери, ваше высокоблагоріе. Извѣстное дѣло, что солдатъ, услышавъ командные слова, тотчасъ руки вытянитъ по швамъ. Такъ и мы учинили и пошли къ купчинѣ, какъ-будто къ генералу какому являться на ординарцы.

— Что съ тобою дѣлать, Голубь-Турманъ, а разсеребрить тебя надо: очинно жалко воркуешь, говорилъ онъ. На, возьми на платьѣ и платокъ твоей внуки.... и проворно всунулъ намъ въ руку.... гривенникъ новаго чекана, а самъ развалясь во все кресло, захохоталъ такъ, что брюхо его заколыхалось!!...

— Грѣшно вамъ, Патапъ Дементичъ, глумляться надъ старымъ солдатомъ съ тремя шевронами, отвѣчали мы. Старый солдатъ скорѣе протянетъ руку къ дулу заряженаго ружья, у котораго спускаютъ курокъ, нежели къ вашему гривеннику. Эхъ, Патапъ Дементичъ, какъ-то вамъ, богачамъ, будетъ умирать! — Сами вы грѣховъ своихъ не успѣете замолить — лѣнь, аль нѣкогда, а бѣднымъ за васъ молиться не за что....

Положивъ на столъ гривенникъ и сказавъ хозяину: счастливо оставаться! мы вышли изъ его горницы. Онъ въ слѣдъ за нами высылалъ намъ еще порцію и блинъ, облитый масломъ, но мы отказались, не пожелали пить. Намъ и отъ одной

его чары очинно тошно стало на сердцѣ. Не прошло и полгода, помнится, какъ послышимъ Потапу Дементичу лютая болѣзнь какая-то приключилась. Лекаря то тотъ, то другой начали его поить какими-то пойлами изъ аптеки. Ну молъ, думаемъ, уходятъ они болящаго, что уходятъ. Пошли мы, ваше высокоблагородіе, на торгъ старый сапоги посмотрѣть, не попадутся ли посходнѣе, а встрѣтили похороны: народу валило по улицѣ тьма-тьмущая, пушкой не пробьешь. Несли на кладбищѣ Патапа Дементича во гробѣ, обитомъ бархатомъ и облажениомъ широкимъ серебренымъ прозументомъ, а покровъ золотой парчи аршина въ четыре длины будетъ скоба-скобой. Покойникъ лежалъ, съ открытымъ лицомъ, какъ живой, только что не говорилъ: Голубь-Турманъ! возми на платьѣ и платокъ твоей внуки.... гривенникъ!...

— Всё это вѣроятно отучило тебя, служба, съ поздравленіемъ ходить къ богачамъ? спросили мы привратника съ намѣреніемъ узнать отъ словоохотнаго разскащика дальнѣйшія его приключенія.

— Никакъ нѣтъ-съ, не отучило, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ онъ, опять обидясь. Не принять горькаго, не увидать и сладкаго, гласитъ одна пословица, съ міра по ниткѣ голому рубашка, гласитъ другая и мы продолжали ходить, придерживаясь эвтихъ двухъ пословицъ. Мы ходили не изъ какой-нибудь чарки, она подъ часъ и на фатерѣ у насъ найдется, а для кругмой сиротины, которую наконецъ добрые люди ублаготворили: одѣли и обули въ такіе наряды, что ей и во снѣ

бы, кажись, не пригрезились. Вы видѣли, ваше высокоблагородіе, на внукѣ нашей, что приходила, будничную одёжду, которую она всякій день носитъ, и эвта очнина хороша, красива, а какъ въ праздникъ разрядится, къ обѣдни пойдетъ, то и люди дивуются: откуда, говорятъ, у ней эвтакіе наряды взялись? Богъ, молъ, послалъ руками добрыхъ людей, отвѣчаемъ мы православнымъ. Нашлись и другіе благодѣтели: обѣщали пристроить сиротину нашу къ мѣсту; посулились отдать въ пшеи и деньги за внуку сами будутъ платить мастерицѣ, что мадамою зовутъ. Молись только Богу, служивый, говорятъ, за насъ многогрѣшныхъ, и никому не сказывай....

Солдатъ замолчалъ, махнувъ рукой и стоялъ столбъ — столбомъ. Это движеніе означало: что и говорить! Мы взглянули на него — онъ плакалъ; но въ жизнь нашу мы не видали кто бы такъ плакалъ. Слезы въ буквальномъ смыслѣ слова капали изъ его глазъ, какъ изъ глазъ мраморной статуи, потому что на лицѣ солдата блѣдномъ отъ природы не замѣтно было ни малѣйшей радости или огорченія; всѣ мускулы, всѣ фибры сохраняли нормальное свое положеніе, а между-тѣмъ слезы лились изъ сердца. Душа его переполнена была однимъ изъ благороднѣйшихъ ея ощущеній — благодарностію и слова замерли у него на языкѣ. При первомъ взглядѣ на этого ветерана можно было предполагать, судя по широкимъ размѣрамъ его формъ, грубымъ, если не оляповатымъ, что онъ въ молодости обладалъ силою носорога

но никтобы не подумалъ, чтобъ подъ оболочкою сердца его, вылитаго, казалось, изъ тульской стали, могло таится «благоговѣйное чувство небеснаго велѣнія, долга, Богомъ установленнаго!...» И такой-то русскій солдатъ служилъ двадцать семь лѣтъ двумъ нашимъ Императорамъ покойникамъ!

— Договаривай, когда началъ, служба, сказали мы, глубоко тронутые неподдѣльною его чувствительностію и онъ продолжалъ:

— А мы твою сироту не оставимъ, ублаготворимъ ее всѣмъ, чѣмъ надо; да и тебя на старости твоихъ лѣтъ не забудемъ, служивый, примолвили наши благодѣтели тихонько. Дай имъ, Царица Небесная! несчетные годы невредимо здравствовать въ довольствѣ и радости, а когда Господь Богъ по душу ангела пошлетъ, — жизнь вѣчную! говорилъ солдатъ, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ и устремивъ глаза на звѣздное небо. То была непоколебимая вѣра и теплая мольба истиннаго христіанина, проникнутаго чувствомъ признательности.

— Значитъ, что ты теперь, служба, поуспокоился и перестанешь роптать на гордость богачей, изъ которыхъ нашлись люди сострадательные, что надобно замѣтить, составляетъ если не рѣдкій, то по крайней мѣрѣ и не частый примѣръ въ подвигахъ человѣколюбія.

— Мы только на языкъ маленько блажливы, лишніе рѣчи подъ часъ вымолвимъ, ваше высокоблагородіе, а вѣдь на сердцѣ, убей Богъ! злостія никакого и никогда не имѣемъ-съ, отвѣчалъ

онъ со всею искренностію добросовѣстнаго простяка.

Солдатъ и въ этомъ случаѣ говоритъ правду. Знаемъ, что у самыхъ скрытныхъ людей бываютъ минуты неудержимой откровенности, но у него откровенность была всегда на языкѣ, такъ что онъ смѣло могъ сказать: языкъ мой-врагъ мой!

И мы разстались съ старымъ артиллеристомъ, къ рядамъ которыхъ когда-то имѣли честь примыкать, довольные, кажется, другъ другомъ и пошли «со широкаго двора», размышляя дорогой о томъ, что лучше: дать ли бѣднымъ посильную лепту, или лить слёзы, ихъ жалѣя?

Тула.